

ПЯРВИЗ ГУСЕЙНОВ

Записки кукольного мастера

Все-таки весна. Короткая, как девичья память, и истеричная, как воровка, попавшаяся на вечернем базаре. Кошки уже вовсю ныряют дельфинчиком в теплоту воздушных волн, а продавцы гёярти и пол агаджи¹ берут на полтона выше сопрано, ни разу не срываясь на фальцет.

Весна. Девушки еще не готовы показать коленки и оголить спинки, а парни уже барражируют в футболках, втягивая воздух, как борзые в надежде на дичь. Впрочем, достаточно навести ухо в направлении к подружкам-студенткам и можно услышать во всем разнообразии на предмет: «А он что? А она что?»

Впрочем, весна. Перезагрузка парфюма в автобусе и слабый вайфай там же. Утром с четкостью хронометра, каждые три минуты выглядывает один глаз из-под одеяла, гипнотизируя минутную стрелку, давая ей установку стоять на месте. Весна. С легкой грустью – «Такая молодая, но уже беременна летом». Спать. Как хочется спать. Спать и проснуться с пониманием: все, что было, нам просто приснилось. Что впереди лето. Каникулы. И я ей, наконец-то, скажу, что люблю. И даже поцелую. В щечку. Потому что в губы я еще не умею. Это будет следующей весной. Такой короткой и по-бакински беспечной.

31 марта 1918 года нас сжигали в мечетях и заживо закапывали в землю, потому что мы азербайджанцы. Я искренне верю, что когда-нибудь все жители Земли будут одной национальности, одной расы и одной веры. Веры в человечность. Когда любой ребенок любого цвета кожи и разреза глаз сможет забегать в любой дом и, взяв кусок хлеба, бежать дальше. И никто его не остановит. Потому что все дети будут родными детьми одной матери. Одной планеты. Планеты Земля! С уважением, азербайджанец Гусейнов Пярвиз Ильдымоглу... всех обнимаю !

Утро. Зимнее морозное утро. Очень тихо. Слышно, как подхалимничают часы на стене: так-так, так-так. Наверное, так было в день пятый Сотворения мира. Божественная тишина! Все уже есть, нету только богоподобного Адама. Он появится в день шестой. А потом появятся Зеленщик и Молочник. Эти Каин и Авель. И будет история. Шумная история! А пока – тишина.

Спит, свернувшись калачиком, моя жена Ирочка. Ее еще нет. Но поправить ей одеяло уже надо. В шестой день все должно быть на своих местах. Тишина. Я наклоняюсь над ней и целую в щечку. Она улыбается. Наверно, ей снится, что Бог простил ее за то райское яблоко. Я бы простил... Потому что не Бог. Тишина. В такие

¹ Гёярти (азерб.) – зелень; пол агаджи (азерб.) – швабра.

минуты хочется молиться: Боже, прости всех Ирочек-Евочек! Прости всех мальчиков-Адамчиков!

Тишина. Почему даже самый лютый зверь любит своих детей? А разве мы не дети Тебе? Тишина. Почему ты разрешил Каину убить Авеля? Ты ведь все видел. А потом со свойственной Тебе Божественностью вопрошал: «Каин, где брат твой Абель?»

Тишина. Знаешь, как Каин мучился потом. Как плакал и звал: «Авель, прости!..» Тишина. Знаешь, как болела у него душа? Она ведь Твоя! А болела у него. Тишина. Почему ты разрушил Вавилонскую башню? Мы ведь, как дети, просто играли в конструктор и всего-то хотели похвастаться. Как хвастаются дети перед отцом своими незамысловатыми поделками. А что взамен? Языки?

Тишина... И только часы тактично соглашаются со мной: так-так, так-так. Однако день шестой. Надо вставать. Сегодня начну с Адама. И никаких яблок в саду. «Гаври-и-и-л! Да вырви ты это поганое дерево, сколько можно говорить! И вызови сюда Дьявола!» Зима на дворе, а кочегарка не греет! Совсем эти ангелы от рук отбились.

Мы живы, Хосподи. Мы живы. Наперекор и вопреки. Мы живы. Помнишь, как наши творения считали дьявольским порождением? Помнишь, как ломали и сжигали наших детей на кострах инквизиции? Помнишь? А помнишь, как наркомпросные большевики считали нашу работу гнилым буржуазным наследием? Кукол опять сжигали, а хозяев просто убивали. Помнишь, как в 70-е в Китае Мао Цзедун устроил культурную революцию и опять кукол посчитали антиреволюционными с последующей уже известной формулировкой: «гнилая буржуазная наследственность»? Помнишь? А мы выжили. Выжили. Наперекор и вопреки. Вопреки, потому что ты с нами. Потому что мы твои дети. И нет ничего плохого в нашем детском подражании Тебе, Хосподи. Дети всегда подражают старшим. Всегда. Таков закон мироздания. Мироздания, в котором возможно все. Даже куклы. Куклы, которые так похожи на нас, богов. Богов, которые, увы, очень зависят от людей. И если кто-то скажет, что ты не бог – ты не сможешь творить чудеса. Не сможешь. Но быть богом ты при этом не перестанешь. Ибо, раз назначенный, ты будешь жить вечно. Вечно в мирах. Вечно в облициях. Вечно в состоянии бесконечности. Да, мы смертны. Мы смертны физически. Но мы не уничтожаемы. И пусть в наш праздник сильные мира сего знают об этом. Нас можно убить...уничтожить – нельзя... С праздником, Коллеги!.. С праздником, кукольные мастера! С праздником, Боги! Сегодня можно пригубить вина как угодно...даже из горла! Мы это заслужили! Заслужили своей вечной неприбранностью дома. Своей вечной забывчивостью жить правильно. Своей неприкаянностью и виною перед близкими. Своей вечной жизнью. Жизнью, протяженностью во вселенную – туда и обратно! Обнимаю! И... все понимаю...Сам такой...

С утра натошак просмотрел страницу поэта из Баку – Михаила Сальмана. Много улыбался. Позавтракал гречкой с молоком и запил сладким чаем с лимоном. Спустился за абшеронским инжиром. Взял кило. Донес полкило. Налил в стакан чистой воды и добавил газированный сираб. На душе стало светлей. Звонила дочка. Спросила: «Что на обед?» «Лукковый суп на мясном бульоне», – ответил я. Дочка ответила: «C'est magnifique»¹.

¹C'est magnifique (фр.) – это прекрасно.

Сегодня прохладно. И вообще – жизнь продолжается. Потому что скоро рыбный сезон и нужно покупать новую сковородку для рыбы. Плед в ноги и старая книга о главном. А еще горячий чай. И тишина. И – целая вечность впереди. Потому что прошлого нет. И никогда не было. Я его проклял нечаянно, и оно исчезло...

Что-то происходит. Что-то явно происходит в воздушно-капельной среде. Витавшей в пустоте и намекающей на большие перемены. Как в детской игре периода несоразмерности шагов: «Горячо-холодно». Играя в нее и постепенно проходя нужный градус, мы иногда можем прийти к правильному ответу: «верно». Но главное тут не ответ, а движение. Ибо многие, так и не продвинувшись к «теплу», остаются в периоде «холодно».

Любите друг друга. Двигайтесь в направлении голоса. Зрение обманет. Там и только там, среди миллионов оттенков, в самой глубине вибрации сердечного метронома вы сможете ощутить и услышать нужное вам: «тепло». И дальше – уже наощупь, растворяясь в воздухе и предвещая всем обреченность. Ибо все записано слезинками в уголках глаз. А еще – сердечками. В теплом доме на запотевшем окне.

Так получилось, что несколько календарных дней в году я вынужден вспоминать, что я азербайджанец. Сегодня такой день. День памяти.

Память – как записка из детства на кухонном столе: «Суп в холодильнике, разогрей». Или: «Никому не открывай дверь». Увы, мы открыли. Открыли, чтобы потом нас били ногами по голове. Поймите, этого нельзя делать. Нельзя бить человека ногами по голове. Нельзя. Потому что эту голову целовали мама и папа. Эту голову обнимали дедушка и бабушка. Ее – эту голову – любили ангелы. Нет, нет, не потому, что мы – азербайджанцы. Любить ребенка – удел матери любой национальности. На чаше весов мироздания эту любовь не перевешивает ни один народ в мире. Люди с планеты ЗЕМЛЯ. А ЗЕМЛЯ – это наш дом.

У нас нет другого дома. И никогда не будет. Мы никогда не сможем жить вне его. Дом, где мы рождаемся маленькими и беззащитными. Дом, где мы любим маму, как Вселенную и папу, как Бога. А потом кто-то злой превращает нас в «вазников», «укропов» и «чушек». Вы думаете, это делает наш Дом? Нет. Может, Мама? Нет же, конечно. Мама может заставить доесть до конца и не пускать во двор без шапки. Но унижать целый народ, кем бы он ни был, она не сможет. Лобик потрогать – сможет. Папе не говорить про щенка с улицы – тоже может. А оскорблять целый народ и тем паче утверждать, что с этим народом нельзя жить, – никогда.

Пожалуйста. Я вас очень прошу: никогда никого не бейте по голове. Вас потом просто не пустят на небо. Вы будете плакать, просить прощения, а вас не пустят. Не пустят потому, что вы однажды уже вошли в открытые двери...и разбудили детей. И поверьте, для того чтобы быть человеком, не нужно иметь какую бы то ни было национальность. Для этого вообще ничего иметь не нужно. Ну, разве что, только одно: вас обязательно должна поцеловать мама.

Баил. Ветер. Тревога. Бессмысленная и надуманная грусть. Ощущение отсутствия якоря заставляет свернуться, как кошка, клубком, и заснуть. Заснуть и проснуться собакой. Или деревом, приютившим на себе птиц, не требуя за это благодарности. Или стать столom из этого дерева, за которым сидят люди.

Главное – пропасть из виду. Исчезнуть на время, ощущая влагу тумана кожей. И попытаться больше не быть человеком. Потому что человека обязательно спросят: «Каин, где брат твой Авель?» А еще – надеть маску. Не понимая, что мы не износили старую. Сшитую из наших тревог и бессмысленной и надуманной грусти.

Изоляция – это лакмусовая бумажка в сложной химической реакции очередной цивилизации. Те, кто еще вчера грыз наши нежные чувства, растворились в музыке гамельнского музыканта. В сжатые сроки ста двадцати минут эстафетного бега все встало на свои места. Стукачи у замочной скважины, подхалимы в районе копчика, а трусы – с перочинными ножичками над документами правды. Зато сколько тепла, порядочности, ранее не замеченных в быту! И честности – в ее раз и навсегда установившейся константе. В ее понимании над вербальным.

Увы, мы еще не знаем, как поведет себя мироздание в случае, когда тепла в душе становится больше. По иронии судьбы мы жили при другом балансе.

Но уже не хочется протягивать руку в плотно натянутой на кисть лайковой перчатке «петрушкам», вещающим: «Слава!» Уже нет огня и презрения, и вызывает улыбку Гофман, прижимающий в душе кошку. Те, кто вчера отдавал приказы, принимая конечный результат парадным строем, уже не верят в их исполнение. Не верят, но по традиции диктаторов продолжают кормить нас с рук редким сахаром.

И голос Альфреда Брема как из громкоговорителя в 41-м: «Есть очень много животных, которые ищут покровительства другого, более могущественного животного...» Чтобы опять – 250 граммов хлеба, как вакцину, и не смотреть в глаза. В глаза, где за тонкой перегородкой склеры прячется беззащитный Бог. Растерянный и непонимающий, за что Он отдал Сына.

А нам остается одно. Вернуться домой. Где верный конь в стойле, умный пес во дворе и кошка, греющаяся под лучами солнца на крыльце. Чтобы в сотысячный раз, скрипя половицами, пережить морозное утро за молоком и хлебом. И видеть в этом достаток. И обязательно обнять жену, ощущая ее теплое тело сквозь холщовую рубашку мира. **(Апрельские тезисы)**

Спасибо пандемии. Стал вспоминать то, что ушло, казалось бы, безвозвратно. Детство. Раннее детство. По утрам громко, навзрыд, хочу сисю. С удовольствием ковыряю чайной ложкой в стакане. Где крошенная булочка в сладком кефире. Держась за ручку, меня выгуливают на свежем воздухе целых два часа. В шарфике, чтобы не простудилось горлышко. С обязательной остановкой в скверике, где ждет бутерброд (французская булка с копченой полтавской колбасой). Потом мультики и мертвый час с капризами: чтобы Ира сидела рядом. Потом полдник с печенькой «Спорт» и какой-то бесполой чай. Всё один к одному. Всё.

Вот только давление почему-то пошаливает. И сердце. И мамы давно нет. Очень давно. А есть Ира. Которой ты заменил все. Включая ее папу. Папу, с которым мы, по иронии судьбы, родились в один день. И который, по ее словам, так похож на меня.

Утро. Тишина. Нужно вставать и соответствовать. И быть гарантом решения всех ее проблем. Потому что детство давно прошло. Да и было ли оно – это детство? Не знаю.

Знаю только одно. Жить в этом мире нужно с привкусом крошенной булочки в сладком кефире. И держать ее в своем сознании. Просто так. Без смысла. Ибо, как показала практика, смысл того, что сейчас с нами происходит, несправедлив и во

многом чужд человеческому сознанию. Сознанию отсутствия жизни. Ибо не бывает блага без жизни. Жизнь и есть благо. Простое и вкусное. Как булочка в сладком кефире, крошенная маминой рукой.

Что-то приходит взамен прогнозируемой третьей мировой войны. Все это – маленькое, еле видимое через микроскоп – всего лишь повод. Повод перепрограммирования нашего сознания. Первые две глобальные войны были всего лишь предлогом понятия того, что толстый слой нанесения на нас «человечности» в момент смертельной опасности стирается, и стирается очень быстро, обнажая в нас простое и понятное для всех животное. А значит, слой этот ненадежен и в первую очередь инороден. Впервые этот слой стал самостоятельно мутировать и становиться нашей кожей.

Возможно, будет война. Но впервые ее предлог и сами «боевые» действия будут иные. Иные в своей задаче. Не в увеличении ареала обитания. Не в навязывании искусственного поведения массам сверху. А в битве. Битве, где мы плечом к плечу будем с ангелами. В битве за свет. В битве, где каждый определит не только, с кем он, но и придет к сознанию, что это будет последний бой. Бой не с мечом в руках против врага, а с протянутыми руками к собственному горлу. Бой, где все лжепророки уже выходили на подмости бытия, и все замерли в ожидании Последнего. Бой с крылами за спиной, о существовании которых мы забыли.

Именно это будет теперь главенствовать в нашем сознании. Память. Память мучительно возвращается к нам. Память о том, что есть свет. Все остальное – просто тень. Третьего не дано. **(Лабораторная работа № 3)**

Собственно, сама изоляция мне – заядлому эгоцентристу и интроверту – вполне приемлема и комфортна. В бытность отсутствия пандемии я неделями не выходил из дома. Специфика работы кукольного мастера способствовала искусственному заточению и давала свои сакральные плоды. Неприемлем и некомфортен сам запрет. Унизителен посыл в «центр» для получения разрешения выйти. Потеря права. Права свободного человека ходить. Неважно, куда и зачем. Неважно. Важно, что теперь этого нельзя делать без разрешения. Да, ходьба обесмыслена. Но в своей бессмысленности она приобретает высший смысл: быть живым. Живым, как часть всего живого на земле. Где птицы и животные совершают свой путь, наполненный высшим смыслом бытия. Ибо мертвое в своем изначальном замысле – бездвижно.

Эта взаимосвязь пространства и жизни настолько диффузионна, что одного понятия, сознания, если хотите: «я могу», хватает для того, чтобы посадить дерево, где будут жить птицы, погладить кошку и улыбнуться ребенку. Все, что взамен, – это страх. А страх – это всегда пружина, в своем сжатии имеющая два пути. Однажды распрямиться или сломаться. Для человека оба пути фатальны. Потому что при любом исходе пружины мы потеряем пространство. Пространство, в котором мы определяем себя людьми. **(Лабораторная работа №7)**

Население Баилбадена разделилось на две партии. Те, кто носит маски, и те, кто их не носит. Есть еще сомневающиеся или, как раньше говорили, сочувствующие. Как мило собираются в небольшие группы наше и чуть постарше поколения. Пережившее с широко открытыми глазами всё – из развалов и завалов прошлого.

Ярко его обсуждая, как стрелка компаса, поворачиваясь спиной к проезжающей патрульной машине.

Молодёжи мужского пола не видно. То ли – пластилин, то ли – мокрые трусики. А как бородки подравнивали!

Редко, но очень знаменательно выгуливают себя соплюшки с пудельками. Иногда – просто с мамой и смартфоном. Бунтарское семя, где на детских личиках, но со взрослыми глазами, считываешь: «Гуляю без СМС». Все-таки грядет матриархат. Мы свое уже навывторяли.

Солнце надежды еще стеснительно. Зато ветер перемен с утра теребит антенный кабель за окном. Пора завтракать. Сегодня плавленый сыр, копченая колбаса и баклажанная икра с крепким сладким рубиновым чаем. Список длинный, а хочется только чай. Чай, как символ абшеронского прошлого. Где весна и: «Девушка, разрешите с вами познакомиться», и «После школы поговорим...»

Сегодня поговорим об Ауре. Аура рук, милые мои, имеет место быть. Кстати, «Я тучи разведу руками» – чистая правда, а не литература. Однако мы отвлеклись и отошли от кухни в сторону коридора.

Давайте проведем простой опыт. Простой и незамысловатый. Дайте десятерым поварам самые точные весы и простой рецепт. Увы, но вкусотища будет только у одного. Потому что аура! Как? – спросите вы. И я вам честно, как на духу, отвечу. Через пальцы рук. Тут, несомненно, нужно отметить интересный факт преемственности этой ауры через поколение. Не знаю, в чем тут дело, но сдается мне – разница в каких-то небесных настройках. Вы же не будете отрицать, что наши предки, в частности, бабушки, готовили умопомрачительно. Причем без всяких $(\text{NH}_4)_2\text{CO}_3$. Умопомрачительно настолько, что порой дело доходило до бытового воровства с участием всех членов семьи, включая Барских с Шариками.

Есть, правда, еще один очень интересный факт или, если хотите, феномен. Называется он **«моямаматаготовила»**. Тут все на поверхности. Будучи детьми, сразу после маминой сиски мы потихоньку начинаем есть не только самостоятельно, но и конкретно то, что она готовит для нас своими руками. В результате мы привыкаем к маминой еде на рефлекторном и каком-то генетическом уровне и не приемлем даже в мыслях другого. Несомненно, сам список возможностей пальцев рук довольно широк и, как мы понимаем, не ограничивается едой. Как-то в молодости, ее звали... Впрочем, это не здесь.

Так вот! Не стесняйтесь целовать женские руки. Не стесняйтесь. Возможно, своим поцелуем вы разбудите в них какую-нибудь спящую ауру. И тогда произойдет нечто чудесное и важное. Простая вода будет вас лечить, а кусочек хлеба покажется вам манной небесной. И вообще, целуйте их чаще. Вы удивитесь, но хорошее настроение бумерангом вернется к вам на весь день. А это в наши дни очень важно. Начинайте прямо сейчас. Это просто. Начинайте с кисти и заканчивайте пальчиками. Я проверял. Работает.

Удачного дня. Сегодня будет солнце.